

* * *

Попробуй сжечь себя, вскрыть вены,
Разрезать кожу до кости.
Ни в чём не будет перемены,
Продолжить легче, чем уйти.

Но время, мастер дел заплечных,
Поможет нам в себя придти.
Поймём и мы: конечно, легче
Остановиться, чем идти.

* * *

Давайте поднимем бокалы совместно,
Давайте закусим, любя
Друг друга, соседей, артистов известных,
Врачей, продавцов и себя...

Давайте дружить независтливо, честно,
Давайте обнимем друзей
И жён дорогих – молодых и прелестных,
А жёны обнимут мужей...

Давайте почешем за ухом овчарок
И в нос поцелуем котят,
Давайте бухгалтерше купим подарок
В начале весенних декад.

Давай поцелуем любимую маму
И купим ей крем для лица...
И если в добре к людям будем упрямы,
Любви к нам не будет конца.

Летний дождь

... Так целебна душе нашей, верьте мне,
Однотонность небесных посланий...
Так приятно представить, что смерти нет
И невыполненных обещаний.

Дождь прямой, и косой, и слепой почти,
Плохо видя, нам жизнь проясняет.
Ты послушай дождливые повести,
Что текут, души нам очищая.

Выйди в дождь на балкон зарешёченный,
Протяни руки через решётку
Зла и горя, обиды пророченной,
Ты со счастьем – почти одногодки.

Я постарше, но ведь не намного же...
Я займусь крепко самолеченьем,
Хоть я кесарево и скошенный,
Но плыву с песней против течения.

Против грязи, что поверху плавает,
И дерьма, что не тонет годами,
По реке с водяными удавами,
Молчаливых стихий господами.

Ноябрь

Ноябрь давно уж наступил,
Река же всё течёт, живая,
Над ней кружит снежинок стая,
Но воды ещё полны сил.

Летит пушистый мокрый снег,
Ложась на руки жёлтых листьев,
На тонкие рябины кисти,
На полукружья бледных век.

Не вижу я конца реки
С моста, где часто проезжаю...
Возможно, нет конца и края
Течения моей строки?

Подумать так позвольте нам...
Порукой же – реки движенье
И гордое неподчиненье
Связавшим нас календарям.

В счастливый для природы час
Течёт река по снежным странам
В ноябрьский день, что очень странно,
Но странности вселяют в нас
Крупицы веры в чуда,
В победу жизни надо льдами,
Когда с ноябрьскими ветрами
Плывут по водам паруса.

Сиротство и блаженство
Белле Ахмадулиной

Ну, наконец-то будем знать мы впредь
Цель нашей жизни, смысл
и совершенство:
Не только без людей прожить суметь,
Но ощутить сиротство как блаженство.

Неверно видеть счастье, господя,
В любви, искусстве, цветоводстве...
Свой идеал найдём мы лишь тогда,
Когда блаженство ощутим в сиротстве.

Пришла Прекрасная, как Мекки свет,
Божествен лик её Преосвященства...
Мы сохраним её святой завет
Благословить сиротство на блаженство.

В затворе мы должны немало дней
Прожить в печали, чтоб заметить сходство
Пустынь безмолвных с шумом площадей
И ощутить блаженство как сиротство.

Но в стихиях стихи и рождаются!
Поливаемы летом дождями,
Прорастают они и вздымаются,
Разрывая удавки кровями.

У пловца гланды строчек распороты,
Но душа не задушена песни,
По-над водами кружатся вороны,
Но живые им не интересны.

Но мы – живы! Споём на два голоса!
Дожди тёплые в летних одеждах,
Окропите святой водой волосы
И налейте по кружке надежды.

В подражанье Пастернаку

Деревьца пели за стеклом,
Деревьца пели.
Мели метели за окном,
Мели метели.

В двенадцать тридцать. Как всегда.
В двенадцать тридцать.
Баку мне снится иногда,
Баку мне снится.

Кресты мелькнули в белой мгле.
Кресты мелькнули.
Я ехал к Юле в феврале.
Я ехал к Юле.

В вагоне людно и тепло.
В вагоне людно.
Порою трудно. Но светло.
Порою трудно.

А поезд мчался, как танцор...
А поезд мчался...
В скользющем вальсе. На простор.
В скользющем вальсе.

Пылали розы у реки.
Пылали розы.
Большим морозам вопреки.
Большим морозам.

В платке и шубе из песка.
В платке и шубе.
Шептали губы у лица.
Шептали губы.

Волшебный город я искал.
Волшебный город.
Песцовый ворот целовал.
Песцовый ворот.

Восьмое марта

Восьмое марта – день весны,
Начала ежегодной веры
Во всевозможные химеры
И в процветание страны.

Но с каждым часом всё теплей,
И день становится длиннее,
На сердце как-то посветлее,
А всё же слёзы из очей
Текут, и в том числе весной,
Возникнув самопроизвольно...
Какой-то глупый страх невольный,
Рождённый трепетной душой,
Нас возвышает над собой,
И мы покорно, добровольно,
Любуясь тем, что сердцу больно,
Так упиваемся весной.

Ю. Ф. Мимозы, между тем, цветут,
Нас осеняя, овесняя
Мечтой грозы в начале мая...
Мимозы к женщинам ведут,
В их странный мир сплоских причуд,
Где мы теряем самовластье,
Порою обретая счастье
Иль пряникообразный кнут.

А снег уж чёрен, гололёд
Мешает нам ходить бесечно,
Но снег и скользкость не навечно,
Они пройдут, и жизнь вперёд
Счастливо устремится... Нет,
Не только к смерти, но и к лету,
К потокам солнечного света,
В столовой греющих обед
И воды северной реки,
Исток которой – в снежном марте,
Текущей по помятой карте...
Без карт не могут речники.

* * *

Ты никому не интересен,
Ты должен это твёрдо знать,
Глаза и руки твоих песен
Слезой омоет только мать.

Никто души твоей алмазы
В свои ладони не возьмёт,
Никто судьбы твоей рассказы
Любящим сердцем не прочтёт.

Никто не даст тебе участия,
Ни Бог, ни царь и ни герой,
И ты ни с кем не будешь счастлив,
Ты будешь счастлив сам с собой.

Никто дороги не уступит,
Твоя судьба – твоя война,
И если жизнь судьбу погубит,
То проигрыш – твоя вина.

Зелёно-жёлтая листва

Зелёно-жёлтая листва
Мне шепчет тихие прощанья.
Шумит сосновая молва:
«Я не прощаюсь... До свиданья!»

Река течёт сквозь тёплый лес
Под барабанный бой пернатых,
Редеет золотой навес,
Я провожаю провожатых.

Смотрю вослед я им тогда,
Когда они, свернув с дороги,
Уходят словно навсегда
В благословенный мир эклоги.

Они со мной, они во мне,
Их лица с серыми глазами –
В июльских снах, в дождливом дне,
В косынках с жёлтыми цветами.

Года идут, бегут, летят,
Но вопреки привычке свыше
Я эти лица видеть рад
Всё больше, искренней... Ты слышишь?

Прорвались мы – два трюкача –
Сквозь разнорасовые гоненья,
И на столе горит свеча,
Горит! – Как памятник терпению.

С тобою мы пройдем весь лес
И подойдем к обрыву вместе...
Сквозь ткани дождевых завес
Твои глаза – на мокром месте.

* * *

У каждого своя судьба,
Своя дорога и призванье,
У каждого своя мольба,
Свое рожденье и прощанье.

Мольба молитвою была,
Когда творилась в тихом храме,
И голубинового крыла
Касались нимбы в тесной раме.

У каждого своя борьба,
Аустерлиц и Ватерлоо,
У каждого своя арба
С поклажей доброго и злого.

Борьба прощением была,
Когда прощала тайной ночью
Сидевших вокруг Его стола
В заснувшем городе восточном.

У каждого своя стрельба,
Свои мишени и раненья,
Иерихонская труба
Поёт иль плачет в дни сраженья.

Ю. Ф. Стрельба оливою была,
Когда в садах Ершалаима
Смиряла гордого орла,
Посланца царственного Рима.

У каждого своя судьба.
Одна. Без права перемены.
Твоя хозяйка и раба.
Твоя канва короткой сцены.

Раба царицею была
И, вероятно, ею будет,
Как только сядет на осла,
Её на трон посадят люди.

* * *

Природа преисполнена чудес
Кто, где, когда придумал это...
Ну, в общем, всё... Весну, планеты,
Слонов, мужчин, метель и хвойный лес,
Какие-то тычинки и реку,
И воду в ней, снега и горы,
И то, что называют «флора»,
И солнца луч на голубом лугу,
Разрез японских узких грозных глаз,
Лиловый отблеск кожи негров,
Солому золотую венгров,
Индейцев смоляной прямой атлас?
Скажи мне, может, знаешь, парень, кто
Придумал цвет лазурный небу,
И жёлтый – будущему хлебу,
И тёмно-синий – моему пальто?
Скажи мне, может, знаешь, парень – как
Работал этот мастер старый,
Создавший каждой твари пару...
Скажи мне, парень, кто же этот маг?

* * *

Итак, ещё одно сказанье
Легло в собрание сочинений...
Действительно, свежо преданье
Моих душевных откровений.

Стихи свежи, как свежи розы...
(Иван Сергеич, выпьем вместе?)
Моей судьбы метаморфозы –
Любовь и ненависть без лесты.

Прими, читатель, благосклонно
Фрагмент судьбы, в стихи проросший,
В её рифмованные клоны
Под ностальгической порошей...

Писал я искренне, сердечно,
И слёз пролитых мне не жалко.
«Жизнь коротка, искусство – вечно», –
Сказал водитель катафалка.